

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1989

9

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

Страницы истории

Р. Х. АМИНОВА

АГРАРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ 20-х ГОДОВ

Сегодня события 50—60-летней давности живо воспринимаются советским народом наряду с самыми злободневными явлениями современности. Широкая общественность испытывает острую гражданскую и нравственную потребность знать историю своей страны во всем ее объеме, со всеми ее драматическими поворотами. Это в полной мере относится и к истории советской деревни, в том числе узбекского кишлака. Проведение в 20—30-х годах коллективизации сельского хозяйства в Узбекистане еще не так давно представлялось изученным до мельчайших подробностей. Однако ныне к этой странице нашей истории, ее «белым пятнам» привлечено внимание не только историков, но и широкой общественности.

В Узбекистане первых лет социалистического строительства аграрные преобразования занимали особое место. В то время аграрный сектор экономики составлял основу народного хозяйства республики. Крестьянский вопрос находился в центре социальной и национальной политики партии на Советском Востоке. Дехкане — основная масса населения Узбекистана тех лет — были главным источником формирования рабочего класса, из них вышла и значительная часть национальной советской интеллигенции. Поэтому в Узбекистане аграрная политика приобретала еще большее значение для социалистического строительства, чем в центральных районах страны.

Победа Октября вызвала к жизни такие процессы, которые коренным образом меняли социальное лицо узбекского дехканства. Декреты и постановления Советского правительства 1917—1924 гг., направленные на переустройство сельского хозяйства, отвечали кровным интересам, объективным потребностям трудового крестьянства. В. И. Ленин не раз отмечал огромное значение этих декретов для пробуждения политической и хозяйственной энергии крестьянских масс. Аграрные преобразования развертывались при возрастающем влиянии Коммунистической партии на трудовое население кишлака. Здесь создавались партийные, советские, общественные организации, усиливалась политико-воспитательная работа. На подъем сельского хозяйства государство выделяло значительные ассигнования, технику, материальные ресурсы, в Узбекистан посылались лучшие технические, научные и культурные кадры.

В 20-е годы в аграрной политике в республиках Средней Азии был осуществлен ряд крупных социально-экономических мероприятий радикального характера. Речь идет о земельно-водных реформах 1921—1922 гг. и особенно 1925—1929 гг.

Целью реформы 1921—1922 гг. была ликвидация колониального наследия в аграрном секторе — уравнивание фактического землепользования коренного (казахского, киргизского, узбекского) и русского крестьянства, поселившегося в Туркестане в основном в результате

переселенческой политики царизма, столыпинской аграрной реформы. Колониальными властями выделялись для переселенцев лучшие земли, на базе которых формировалось кулачество. В ходе реформы часть этих хозяйств была ликвидирована, а у другой части изъяты излишки земли, зерна, скота и др. Всего в Туркестане были ликвидированы 151 поселок, 175 хуторов, 95 заимок, выселено 8084 семьи. У кулаков-переселенцев было изъято свыше 250 тыс. дес. земли, которые были переданы 12,8 тыс. коренных батрацко-бедняцких хозяйств.

Второй этап реформы (1925—1929 гг.) привел к еще более глубоким изменениям в кишлаке. Эта реформа носила в целом революционно-демократический характер. Она ставила задачу передела земли, воды и других основных средств производства с целью ликвидации хозяйств так называемого «помещичьего типа», сокращения численности бедняков, преодоления остатков феодально-патриархального уклада в земледелии. В ходе ее только в Ташкентской, Ферганской, Самаркандской и Зарафшанской областях образовался фонд наделения земель размером в 264,2 тыс. дес. Около 70% его составляли экспроприированные земли, а остальная часть состояла из земель нового орошения (17,5%), государственного земельного имущества, а также вакуфов, земель горожан и безвестно отсутствующих граждан. Из этого фонда было наделено землей около 10% нуждающихся дехканских хозяйств.

Был ли объективно оправданным этот крупномасштабный передел земли, имевший столь важные социально-экономические последствия? Ответ на этот вопрос однозначен: да, был. В Узбекистане реформа решила в сущности ту же задачу, что и экспроприация кулачества в России в 1918—1919 гг. Но верно и то, что в ходе реформы были допущены всякого рода перегибы, подчас урезывались или подвергались экспроприации хозяйства, которые лишь с большой натяжкой можно было отнести к кулацким. Следует пояснить, что наем батраков в условиях Узбекистана не служил показателем социальной принадлежности крестьянина в той мере, как в Центральной России. Возделывание хлопчатника в условиях орошаемого земледелия, на базе ручного труда было делом чрезвычайно трудоемким, и чтобы справиться с ним при резко выраженной сезонности работ даже бедняк иногда нанимал мардикера (поденщика).

Помещичье землевладение, вообще не получившее в Узбекистане широкого распространения, было ликвидировано еще в 1918 г. Ни по размерам землевладения, ни по другим показателям лица, экспроприированные в ходе реформы, не могут считаться помещиками. С некоторыми поправками (специфика местных аграрных отношений) они могут быть скорее сравнимы с кулаками. Среднее помещичье хозяйство в дореволюционной России имело около 500 дес. пахотной земли, кулацкое — 16—25 дес. В Узбекистане байским считалось (в зависимости от округа) хозяйство, превышавшее 7—12 дес.

По сути дела земельно-водная реформа ликвидировала хозяйства богатых дехкан (или кулаков) и часть хозяйств более зажиточной части середняков, т. е. практически провела «раскулачивание» почти в том объеме, в каком в России оно было осуществлено значительно позднее, уже в годы массовой коллективизации.

Цели реформы, однако, были достигнуты лишь частично. Бедняцкая прослойка и после нее составляла 37,6% дехканских хозяйств. На долю зажиточных хозяйств приходилось не более 1,4%. Это были дехкане, владевшие в основном 5—7 дес. земли, при чем не всегда в достаточной мере обеспеченные рабочей силой, рабочим скотом, сельскохозяйственным инвентарем. В ходе реформы допускались и злоупотребления — сведение личных счетов, неэкономические подходы к вопросам экспроприации и проч.

В числе нуждающихся в уточнении вопросов аграрной политики в Узбекистане накануне коллективизации немаловажное место занимает вопрос о развитии сельскохозяйственной кооперации, ее роли в стабилизации земледелия и животноводства в середине 20-х годов. В соответствии с ленинским планом должны были развиваться различные виды кооперации: бытовая, снабженческая, кредитная, производственная. Каждая из них показала большие возможности подъема сельского хозяйства. Кооперативы сыграли важную роль в развитии хлопководства. Если в 1924 г. дореволюционный уровень посевов хлопчатника в Узбекистане был восстановлен на 50,4%, то в 1925 г. — уже на 71,6%.

Посредством кооперации социалистическое государство регулировало деятельность частнохозяйственного сектора, способствовало росту в сельской местности товарооборота и развитию государственного кредита, организовало и объединило массу мелких производителей. Кооперация выполняла, помимо этого, и активные воспитательные функции. Как отмечалось в решениях XIV партконференции (апрель 1925 г.), «кооперативное движение в деревне должно сыграть... ту же воспитательную роль, которую играет профсоюз по отношению к беспартийным рабочим массам, т. е. роль школы коммунизма»¹.

Вместе с тем в кооперативном движении в Узбекистане имелись и специфические трудности. Кооперация испытывала острую потребность в опытных кадрах, материальных средствах, кредитах. Система контрактации, которой дехкане через кооперативы были охвачены поголовно, далеко не всегда была выгодна дехканам и нередко сводилась к навязыванию им производства хлопка-сырца и других культур. Кооперативы зачастую не выдерживали конкурентной борьбы с частным рынком, с частным кредитом. Но к концу 20-х годов кооперация далеко еще не исчерпала своих возможностей. Она нуждалась лишь в лучшей организации и в большей материальной поддержке. В этом случае она смогла бы выполнять свою функцию дальнейшего сбалансированного роста сельскохозяйственного производства и повышения уровня благосостояния дехкан.

Однако вместо оказания сельскохозяйственной кооперации всесторонней поддержки ее с началом массовой коллективизации начали сворачивать. Было грубо искажено ленинское учение о кооперации. Все его богатство свелось к так называемому «кооперативному плану», согласно которому право на существование получила лишь производственная кооперация, причем сведенная к единственной форме — сельскохозяйственной артели, суть которой была также искажена.

Тенденция к искусственному форсированию коллективизации стала, в соответствии со сталинской позицией, резко усиливаться с осени 1929 г. С этого времени на вооружение был принят лозунг сплошной коллективизации. Теоретическим его обоснованием стала статья И. В. Сталина «Год Великого перелома», опубликованная в «Правде» 7 ноября 1929 г. Она утверждала, якобы коллективизация уже одержала решающую победу, и основные массы крестьян идут в колхозы. Ноябрьский (1929) Пленум ЦК ВКП(б), хотя и отметил трудности коллективизации (недостаточная техническая база, слабая организация и низкая производительность труда в колхозах, острая нехватка квалифицированных кадров, отставание дела обслуживания и управления колхозами от темпов их роста), но не принял во внимание поступающие с мест многочисленные сигналы о нарушениях принципа добровольности при создании колхозов. Сталин и его окружение стоя-

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Изд. 9-е. Т. 3. М., 1984. С. 32—33.

ли на том, что в ряде районов страны коллективизация может быть завершена уже в 1930 г.

5 января 1930 г. принимается известное постановление «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». Редактировавший его Сталин придал ему более жесткий характер. Из него были исключены положения о степени обобществления скота и инвентаря, все формы коллективного хозяйства были сведены к сельхозартели, которая рассматривалась как переходная ступень к коммуне. В первоначальной редакции для Узбекистана и других национальных республик коллективизацию намечалось завершить на протяжении второй пятилетки.

Отдельные члены Средазбюро ЦК ВКП(б) пытались противостоять волюнтаристским методам проведения коллективизации, предлагая скорректировать цифры. Так, И. А. Зеленский просил ЦК наметить для среднеазиатских республик коллективизацию к концу первой пятилетки не более 52% дехканских хозяйств². Однако это предложение было отвергнуто. Вместе этого для Средней Азии была дана установка объединить к началу 1933 г. в колхозы 68% дехкан.

В действительности коллективизация в Узбекистане проводилась гораздо быстрее, чем это предусматривалось всеми контрольными цифрами. Уже накануне массовой коллективизации в Средней Азии возобладало авантюристское убеждение, будто бы провести ее возможно в предельно короткий срок. На II краевом партсовещании была принята резолюция, в которой утверждалось: «Естественно-исторические и экономические условия в хлопководческих районах Средней Азии... таят в себе данные для таких темпов развития и процессов обобществления и коллективизации, которые дают возможность республикам Средней Азии догнать и перегнать остальные республики Союза»³.

Итак, началась погоня за дутыми цифрами. Коллективизация осуществлялась кампанийскими методами, сопровождалась многочисленными фактами нажима и репрессий, грубейшими нарушениями социалистической законности. Дехкан заставляли идти в колхозы. Сопровождающиеся, независимо от социальной принадлежности, подвергались «раскулачиванию». Уже через месяц отдельные районы, в которых до начала кампании не было ни одного колхоза, рапортовали о «сто процентной коллективизации». По Ташкентскому округу первоначально намечалось вовлечь в колхозы 30% дехканских дворов, а после пересмотра этой цифры — 93%, по Бухарскому округу — соответственно 28 и 48%, по Хорезмскому — 5,5 и 48%⁴.

Ускоренные темпы коллективизации в Узбекистане связывались с администрированием, стремлением любой ценой «выполнить и перевыполнить» указания сверху, выслужиться. Это было характерно и в целом для проведения коллективизации в стране, но в Узбекистане злоупотребления приняли широкий масштаб. Сохранившаяся от прошлого забитость основной массы дехкан, неопытность и слабость низовых партийных и советских организаций создавали благоприятные условия для «выполнения» дутых планов коллективизации приказным путем.

Типичным примером административно-приказного отношения к созданию колхозов явилось указание о коллективизации в 1930 г. 36—42% дехканских хозяйств. 17 февраля 1930 г. (месяц спустя) принимается постановление ЦК КП(б)Уз, устанавливавшее 17 районов сплошной коллективизации: Ассакинский, Шахриханский, Джалалкудукский, Нарынский в Андижанском округе; Янгийольский,

² Вайсман Д. Я говорю свое последнее слово//Комсомолец Узбекистана. 1988. 15 апр.

³ Там же.

⁴ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 5, д. 765, л. 107.

Пискентский, Мирзачульский — в Ташкентском; Кувинский, Чуст-Папский, Багдадский, Ферганский — в Ферганском; Пастдаргомский, Янгикурганский — в Самаркандском; Сарыассийский, Денауский — в Сурхандарьинском; Новобухарский, Гиждуванский — в Бухарском округе. Районы эти размещались как в относительно развитых земледельческих округах (Ташкентский, Ферганский, Самаркандский), так и в отсталых, еще недавно входивших в состав Бухарской Народной Советской Республики⁵.

Как сообщал уполномоченный по Каракульской волости (Бухарский округ) Т. Рубинштейн, «низовой советский аппарат совершенно не пользуется авторитетом у населения, которое считает, что практически власть не изменилась. Тем более, что руководящий состав сельсовета меняется через каждые 10—12 дней после выборов. Причем причины быстрого смены никому не были известны»⁶.

Проведение коллективизации часто сопровождалось искажением классового подхода. В Кашкадарьинской области, например, лишали избирательных прав середняков. Во время сбора семфонды их вносили в списки кулаков, что резко увеличивало причитавшийся с них размер взноса. В Kitabском сельсовете уполномоченный Тураев инструктировал население, что каждый, кто нанимает работника хоть на один день, будет считаться кулаком.

Средняки, чтобы не попасть в списки кулаков, не нанимали сезонных рабочих, хотя сами физически не справлялись с работой. В результате посевной план, особенно по хлопку, не был выполнен. В той же Кашкадарье, ссылаясь на директивы Центра, середняков-единоличников не снабжали сельхозинвентарем. В период так называемой доликвидации кулачества с середняков взимали налог как с кулаков, ущемляли их при снабжении хлебом, насильно записывали в колхозы, отказывали в избрании в сельсоветы. Из Карасарайского района Андижанской области сообщали, что «райпарторганизации не знают, как определить социальные границы. Всего лишено прав 1770 человек, в том числе 394 середняка, принятых за кулаков, и 536 дехкан, лишенных прав за их религиозность»⁷.

Обстановка становилась все более напряженной. Учитывая это, в начале 1930 г. была предпринята попытка борьбы с эксцессами сплошной коллективизации. ЦК ВКП(б) 30 января 1930 г. дал на места директиву, осуждавшую искривления: погоню за неоправданно высокими темпами коллективизации, нарушение принципа добровольности. Тогда же ЦК ВКП(б) направил в Средазбюро телеграмму, в которой указывалось на недопустимость проведения сплошной коллективизации в экономически отсталых областях темпами, рекомендованными для ведущих аграрных районов страны. 2 марта 1930 г. была опубликована статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов», 14 марта — постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении». В статье Сталина говорилось, что понятие «сплошная коллективизация» не означает стопроцентной коллективизации. Был пересмотрен список районов сплошной коллективизации. Это, как известно, привело к резкому сокращению числа дворов, входящих в колхозы.

Однако уже летом 1930 г. вновь возобладали административно-приказные методы создания колхозов. Новое ужесточение темпов коллективизации объяснялось в официальных документах укреплением колхозов, изменениями классового самосознания крестьянства. Отступление было, в сущности, демагогическим жестом, направленным

⁵ ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. 1, д. 188, л. 25.

⁶ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 1, ф. 1574, л. 82.

⁷ Там же, оп. 6, д. 774, л. 65.

на обман дехканских масс, на ослабление зрелого в них протеста. С весны 1931 г. возобновилась практика создания районов сплошной коллективизации. По ее темпам Узбекистан превосходил более развитые союзные республики. К середине 1932 г. колхозы Грузии объединяли 36,4% крестьянских хозяйств, Армении — 37,9%, Белоруссии — 47,8%, районов промышленного Центра, Запада и Северо-Запада РСФСР — от 38 до 50%⁸. В Узбекистане же в апреле 1932 г. обобществленный сектор объединял уже 74,9% всех дехканских дворов⁹. И это несмотря на низкий уровень развития народного хозяйства и культуры, на незавершенную борьбу с остатками старого образа жизни, в основе которого лежали нормы шариата и адата, неграмотность значительной части коммунистов и депутатов Советов.

В ЦК ВКП(б) с мест поступали тревожные письма, предупреждавшие о возможности серьезных последствий администрирования и нарушения принципа добровольности при вступлении в колхозы. Представитель Термезского отделения «Хлоптрест» 29 мая 1930 г. сообщал: «На почве неустойчивости колхозов тяга к распаду их чувствуется вполне определенно, но ввиду осложнения при выходе создано в данный момент кажущееся успокоение, которое может вылиться в крупное выступление против Советской власти»¹⁰.

В ходе коллективизации возникали серьезные диспропорции в уровне обобществления средств производства. Легче всего было обобществить землю, а для коллективизации рабочего и мясо-молочного скота не хватало помещений и кормов. Поэтому часть его временно оставляли за прежними владельцами. Но они не были заинтересованы в уходе за скотом, так как уже не считали его своим. В районах сплошной коллективизации было обобществлено 67,5% земли, 41,6% лошадей, 41,2% волов и т. п.¹¹

В атмосфере сплошного администрирования и принуждения не могла развиваться колхозная демократия. Дела многих колхозов единолично вершили председатели, работая по указке райкомов партии. Собрания, на которых обсуждались производственные планы, вопросы организации труда, были исключением из правила.

Сплошная коллективизация в Узбекистане сопровождалась директивным установлением монокультуры хлопчатника, проходившим под знаком борьбы за хлопковую независимость СССР. Весной 1930 г. СредазЭКОСО направил ЦК КП(б)Уз и Совнаркому УзССР телеграмму, в которой говорилось: «В районах сплошной коллективизации, всех других колхозах необходимо категорически добиваться засева трех четвертей клина под хлопок. Примите меры по быстрому доведению директивы до каждого колхоза, обеспечить безусловное проведение в жизнь»¹².

Вопреки победным реляциям сплошная коллективизация сопровождалась фактическим снижением жизненного уровня дехканства. В центральные партийные органы с мест поступали тревожные письма. Из колхоза «Кызыл дехкан» (под Самаркандом) писали: «Люди едят хлеб с водой, больше ничего нет, хлеба и того недостаточно. Кроме того, неграмотных дехкан обвешивают. В колхозе есть европейский сельхозинвентарь, а работать нельзя, не во что запрячь. Нет хомутов и упряжки, нет ее и в Самарканде»¹³.

Дехканские хозяйства, насильственно объединенные в колхозы, не были заинтересованы в участии в общественном производстве, повы-

⁸ Там же, ф. 15, оп. 25, д. 2269, л. 39—41.

⁹ Советская историческая энциклопедия. Т. 7. М., 1965. С. 493.

¹⁰ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 5, д. 747, л. 4.

¹¹ ЦГА УзССР, ф. Р-837, оп. 9, д. 407, л. 58—71.

¹² ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 6, д. 776, л. 12.

¹³ Там же, д. 789, л. 116.

шении производительности труда. На колхозных полях работало не более одного-двух членов семей, остальные были заняты в личном хозяйстве. В результате в колхозах возникала хроническая нехватка рабочей силы, особенно в дни уборки урожая. Уже тогда ее пытались восполнить трудом горожан, но массового характера эта практика еще не приняла.

Тяжелый удар по развитию сельского хозяйства и социалистическому строительству в целом нанесли массовые репрессии второй половины 30-х годов. Помимо стандартных обвинений в антипартийных блоках, в Узбекистане большинству осужденных инкриминировались националистические настроения. Были репрессированы и расстреляны А. Икрамов, Ф. Ходжаев, И. А. Зеленский, Е. Л. Зелькина и многие другие опытные работники, верные ленинцы. Они пытались оградить дехкан от огульного раскулачивания. Вот типичный образец вздорных инсинуаций, возведенных на этих испытанных коммунистов. Он красноречиво рисует атмосферу, царившую на этих судилищах. О И. А. Зеленском в передовой «Правды» говорилось: «...Царский охранник, шпион, мерзавец Зеленский по требованию иностранных разведок устраивал диверсионные акты, подсыпал стекло и гвозди в масло, гноил десятки вагонов с яйцами, оставлял города без продуктов — все это для того, чтобы вызвать недовольство населения»¹⁴.

Вопреки официальным сводкам коллективизация нанесла тяжелый удар по сельскому хозяйству республики. План производства хлопка не выполнялся. Особенно сильно пострадало животноводство. Не желая отдавать скот в колхозы, дехкане забивали его. Не помогали ни угрозы, ни репрессии. Узбекистан, как и другие республики Средней Азии, понес гораздо большие потери в животноводстве, чем другие союзные республики.

Непосредственным результатом коллективизации в Средней Азии был массовый голод 1933 г. От истощенных людей, едва державшихся на ногах, требовали выполнения плана хлопкозаготовок.

Сотни хлопкоробов, не выполнявших планы, были жестоко репрессированы и позже расстреляны. Эта страница истории только начинает приоткрываться. Мы уже узнали о миллионных жертвах голода на Украине, в Казахстане, на Северном Кавказе; надо рассказать о таких же жертвах в Узбекистане.

Массовая коллективизация сопровождалась так называемой «ликвидацией кулачества как класса». Однако репрессиям в основном подвергались зажиточные середняки. Во многих районах отсутствовали четкие критерии того, кого считать кулаками. Раскулачивали за религиозность, за недовольство действиями администрации, сводили и личные сче-ты.

Средняки и даже бедняки, опасаясь попасть в списки кулаков, сужали свою хозяйственную деятельность. В практику раскулачивания нередко входили по сути дела террористические методы: район делили на участки, к каждому из которых была прикреплена группа вооруженных людей, обычно пять человек. Ночью они врываются в дома «кулаков», арестовывали их и уводили в местное отделение милиции. Все имущество задержанных, включая деньги, одежду, посуду, белье и т. д., реквизирувалось и поступало на специальные склады.

Коллективизация не достигла в полной мере одной из важнейших целей — технического перевооружения сельского хозяйства. Поступление в Узбекистан тракторов и другой техники было недостаточным. Труд в колхозах оставался по преимуществу ручным.

По словам М. С. Горбачева, в ходе коллективизации произошло «своего рода огосударствление кооперации. Добровольность, самоуп-

¹⁴ Цит. по: В а й с м а н Д. Указ. статья.

равление, хозрасчет..., другие принципы деятельности колхозов и кооперации в целом грубо нарушались. Все это чувствительно дает о себе знать до сих пор, порождает пассивное отношение к общественным делам, затрагивает не только экологические, но и политические, идеологические аспекты развития социализма»¹⁵.

Административно-командные методы управления колхозами сохранялись и в последующие годы, нанося тяжелый ущерб сельскому хозяйству, интересам колхозников, сковывая их инициативу, обостряя продовольственную проблему.

Грубо нарушались ленинские принципы материального стимулирования колхозников. За свой труд они получали низкую, иногда символическую оплату. Колхозы выступали в роли младших партнеров государственного сектора, служили важным источником мобилизации финансовых средств и рабочей силы для индустриальных отраслей, в первую очередь для тяжелой промышленности.

Обострению продовольственной проблемы в республике способствовала усугубившаяся монокультура хлопчатника, которая сохранилась до наших дней. Край, издавна славившийся замечательными фруктами и бахчевыми, не в состоянии ныне обеспечить ими свое население. Рыночные цены на продовольствие растут из года в год.

К этому следует добавить ухудшение качества сельхозпродуктов. Земли республики так насыщены ядохимикатами, что выращенные на них урожаи небезопасны для здоровья.

Монокультура хлопчатника привела к резкому сокращению кормовой базы животноводства. В результате производство мяса на душу населения УзССР ниже, чем во многих африканских странах.

Конечно, пройдя сложный путь, колхозы внесли большой вклад в подъем сельского хозяйства Узбекистана. Однако к настоящему времени назрела необходимость серьезных изменений в установившейся системе колхозно-совхозного производства. С началом перестройки принят ряд мер по переводу его на самоокупаемость и хозяйственный расчет, развиваются различные формы аренды, бригадного, семейного подряда. Эти и другие меры знаменуют возврат к ленинскому учению о кооперации, к восстановлению нарушенных в годы культа личности и застоя принципов социализма в аграрном секторе.

Перестройка открыла перед колхозами республики новые горизонты. Повышается инициатива колхозников, чему в немалой степени способствуют развитие кооперативной и индивидуальной форм деятельности. Думается, что на этом нелегком и длительном пути следует учитывать исторический опыт первых аграрных преобразований, его положительные и отрицательные стороны.

До сих пор, развивая производство хлопка, шелковичных коконов, каракулевых смушек, республика тем не менее не получала фактической их стоимости и оказалась на государственной дотации. Узбекистан значительно отстает от среднесоюзного уровня по важнейшим показателям, в том числе по размеру национального дохода, росту производительности труда, фондоотдаче.

Одна из причин сложившегося положения заключается в том, что налог с оборота изымается не по месту производства хлопка-сырца, а по месту его реализации. В сложившейся с конца 20-х годов системе союзного разделения труда 93% выращенного в республике сырца перерабатывается за ее пределами. Соответственно доходы получает не Узбекистан, а другие союзные республики.

Принятая ныне система оптовых и закупочных цен, транспортных тарифов не всегда отражает действительные затраты на производство хлопка. В совокупность конечных доходов после переработки сырца

¹⁵ Горбачев М. С. Потенциал кооперации — делу перестройки: Выступление на IV Всесоюзном съезде колхозников 23 марта 1988 года. М., 1988. С. 10.

и получения из него тканей, масла и ряда других продуктов включается фактически лишь сырец; оплата отходов, которые являются ценнейшими продуктами (шелуха, жмых, гузапая), крайне низка.

Логично возникает вопрос: не настало ли время создавать материальную базу для переработки хлопка внутри республики, доведя этот показатель хотя бы до 40—50%? Это позволило бы полнее использовать рабочую силу, а республика перешла бы из числа поставляющих сырье в разряд перерабатывающих сырье регионов; сократились бы и колоссальные расходы на транспортировку сырья и волокна.

Мероприятия по развитию агропромышленного комплекса республики уже в ближайшее время должны включать повышение закупочных цен на хлопок-сырец. Сегодня дехканин получает за 1 кг хлопка всего 70 коп., что совершенно не соответствует затратам труда, тормозит рост жизненного уровня сельчан.

Серьезные просчеты в развитии сельского хозяйства, культивирование с конца 20-х годов административно-командных методов руководства сельскохозяйственным производством не могли не сказаться на социальном развитии кишлака. Жилищное строительство в сельской местности находится в плачевном состоянии. Основная часть построек возведена из кирпича-сырца, пахсы, дома не имеют элементарных удобств; 77% кишлаков не газифицированы. По уровню оказания услуг населению Узбекская ССР находится на предпоследнем месте в Союзе. Во многих сельских районах сложилось неблагоприятное положение с обеспечением питьевой водой.

Остро стоят вопросы организации здравоохранения в сельских районах. С середины 60-х годов повысилась смертность, особенно детская. Не хватает медицинских помещений, низко качество медицинского обслуживания. Не проявляется должной заботы об улучшении условий труда и быта сельчанок. Отдельного большого разговора заслуживает вопрос о привлечении на сельхозработы школьников.

Узел сложных и нерешенных проблем, стоящих сегодня перед сельским хозяйством, имеет глубокие корни. Методы и формы проведения сплошной коллективизации, нанешие непоправимый урон развитию социализма, отбрасывают черную тень на все позитивное, что было в прошедших десятилетиях: честный труд тысяч колхозников и рабочих совхозов, широкое водное строительство, без которого земледелие региона попросту не может существовать, механизация и др.

И все же, поднимая сегодня завесу над трагическими страницами нашей истории, надо сказать, что в ней было и немало светлого, чистых порывов, энтузиазма, бескорыстия первых строителей социализма. Это должно давать нам, старшему и молодому поколениям, нравственную силу, чтобы, в полной мере осознавая трагизм исторической действительности середины 20—30-х годов, возвращая в народную память имена безвинно погибших, репрессированных, двигаться вперед по пути глубоких социально-экономических преобразований, по пути перестройки, создания правового социалистического государства и повышения материального и культурного уровня жизни трудящихся масс.

Как подчеркнул М. С. Горбачев в речи на пленуме ЦК КП Украины 28 сентября 1989 г., «сейчас активно обсуждаются не только идейно-теоретические основы социализма, но и уроки пройденного нашей страной пути, высказываются различные точки зрения на прошлое.

...Мы не отказываемся от нашей истории, держим в памяти каждый ее день, видим в прошлом и хорошее, и плохое, воздавая должное и тому, и другому. В то же время... на многие события и периоды истории мы смотрим иными глазами, более определенно и конкретно оцениваем их, идем дальше в осмыслении истоков и тенденций исторического развития нашего общества»¹⁶.

¹⁶ Правда. 1989. 1 окт.

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА ИЖТИМОЙ ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

3

1980

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

Р. Х. АМИНОВА

КРИТИКА БУРЖУАЗНЫХ КОНЦЕПЦИЙ РЕШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В СССР

(На примере Узбекистана)

В полном расцвете своих творческих сил идет многонациональный советский народ к новым успехам по пути коммунистического строительства. Выдающихся достижений добились благодаря последовательному осуществлению ленинской национальной политики, братской помощи и взаимопомощи народов СССР узбекский и другие народы Советского Востока. За годы Советской власти Узбекистан из некогда отсталой аграрной колонии царизма превратился в цветущую социалистическую республику с высокоразвитой экономикой, культурой, наукой, маяк социализма на Востоке.

Замечательные успехи ленинской национальной политики в СССР восхищают и радуют наших друзей, служат примером для всех народов, освободившихся или борющихся за свое национальное и социальное освобождение, и, естественно, вызывают злобу и ненависть наших врагов.

Идеологи антикоммунизма всячески пытаются очернить национальную политику КПСС, теорию и практику решения национального вопроса в СССР, в том числе в Узбекистане.

«Изучением», вернее сказать, — фальсификацией советского опыта решения национального вопроса в республиках Средней Азии занято на Западе большое количество «научных» центров, периодических изданий и отдельных «специалистов». Отметим, в частности, Русский исследовательский центр при Гарвардском университете (США), разработавший специальную программу «изучения» Средней Азии и издающий большое количество монографий по этой проблеме (например, «труды» М. Рывкина, Т. Раковска-Хармстоун и др.), Йельский и другие американские университеты и институты, где наряду с другими проблемами «советологии» изучается и решение национального вопроса в Средней Азии.

Специализированные учреждения по изучению среднеазиатских республик, опыта решения в них национального вопроса функционируют и в Великобритании. Это — Среднеазиатское королевское общество и Среднеазиатский исследовательский центр. Большое число публикаций по данной проблеме принадлежит английским «советоведам» — Джефффри Уилеру, Вайолет Конолли и др.

Объектом фальсификации американских и английских «специалистов» по национальному вопросу в Средней Азии является широкий комплекс экономических, социологических, культурных и иных аспектов этой проблемы.

Во Франции ведущими «специалистами» по Советской Средней Азии выступают А. Беннигсен, Ш. Лемерсье-Келькеже, Д'Анкос, В. Монтей и др. (шестой сектор Высшей школы политических наук в

Сорбонне). Для французских буржуазных «среднеазиистов» характерен повышенный интерес к вопросам национального и культурного развития и состоянию мусульманской религии в СССР.

Крупные центры «изучения» национального вопроса в Средней Азии действуют в ФРГ (Дюссельдорф, Мюнхен). Для них характерно широкое использование антисоветских материалов так называемого «туркестанского» эмигрантского отребья во главе с Баймирзой Хаитом. Это, в частности, обусловлено тем, что в ФРГ находится пресловутый «Туркестанский национальный комитет», созданный еще при фашистах, в 1942 г.

Антисоветские «центры» по изучению Средней Азии имеются также в Турции, Саудовской Аравии, Индонезии. Застрельщиками «идеологической работы» в них выступают преимущественно националисты — изменники Родины, перебежавшие в годы Великой Отечественной войны на сторону гитлеровцев. Особенностью этих «центров» является воинствующий клерикализм под маской «защиты ислама» в СССР.

Таким образом, антисоветские «центры» по изучению национального вопроса в Средней Азии в разных странах имеют свою «специфику». Это, по замыслу идеологов антикоммунизма, должно способствовать созданию разных «школ», «течений» и «направлений» советоведения. Но при всем их «разнообразии» суть деятельности этих «центров» и «школ» одна — пропаганда антисоветизма, антикоммунизма на основе фальсификации истории Советской Средней Азии, решения национального вопроса на Советском Востоке. Современные буржуазные «советологи-среднеазиисты» в первую очередь оперируют лживыми тезисами о «советском колониализме», «насильственной русификации» и «советизации» среднеазиатских народов, о том, что в среднеазиатских республиках якобы существует национальная рознь и возрождается национализм. При этом, пожалуй, особенно много усилий прилагается для обоснования домысла о «советском колониализме». И это не случайно. Идеологи империалистической буржуазии прекрасно осознают притягательную силу достижений республик Советского Востока для народов, сбросивших иго колониализма или еще борющихся против него. Инсинуациями о «советском колониализме» они стремятся также отвлечь внимание от собственной неоколониалистской политики в Азии, Африке, Латинской Америке.

М. Рывкин, Э. Бэкон, Т. Раковска-Хармстоун и К⁰ пытаются «доказать» наличие советского «колониализма», который, дескать, отличается от колониализма времен царской России лишь своей формой: он лишь «завуалирован» марксистскими формулами. Более того, некоторые буржуазные «специалисты» утверждают, будто бы царская администрация больше считалась с национальной спецификой экономической и культурной жизни края, чем Советская власть, хотя хорошо известны последствия колониальной политики царизма, грубо попиравшего национальные права и коренные интересы народов Туркестана.

Делаются и попытки отождествления советской национальной политики и колониальной политики империалистических государств. Более того, находятся «советоведы» (А. Стэмп, Пьер Рондо и др.), которые утверждают, что СССР «позаимствовал» у империалистических государств формы и методы колониальной политики. Клеветнический характер подобных утверждений очевиден. Достаточно вспомнить еще недавнее колониальное прошлое народов Азии и Африки, сравнить

нынешний уровень их экономического, социального, культурного и т. д. развития и среднеазиатских республик.

То, что для Советской Средней Азии давно уже является реальным фактом,— достижение полного национального суверенитета, развитие многоотраслевой современной промышленности, крупного механизированного сельского хозяйства, передовой национальной культуры,— развивающимся странам Азии и Африки, недавно освободившимся от колониального гнета, еще только предстоит добиться, и решение этих задач потребует от молодых афро-азиатских стран громадных усилий и средств, отражения продолжающихся посягательств империализма на их политическую и экономическую независимость.

Нападки на советскую национальную политику в Средней Азии буржуазные авторы (Жан-Поль Ру, Георг фон Штакельберг, А. Беннигсен, Ш. Лемерсье-Келькеже и др.) нередко пытаются «обосновать» ссылками на «подавление» мусульманской религии в СССР, «утрату» культурных национальных традиций среднеазиатских народов в связи с их «русификацией» и «советизацией». Однако подобные «аргументы» не выдерживают критики. Так, ослабление позиций религии характерно не только для Средней Азии. Это процесс, общий и закономерный для СССР в целом. Не только мусульманская, но христианская и другие религии в ходе коммунистического строительства все более обнаруживают свою несостоятельность. Но советское законодательство твердо гарантирует всем гражданам СССР свободу совести, и никто в нашей стране никогда не подвергался гонениям за приверженность той или иной религии.

Что касается национальных культурных традиций среднеазиатских народов, то лучшие из них продолжают успешно развиваться в Средней Азии. Общеизвестно, что в среднеазиатских республиках, где культура накануне Октябрьской революции находилась в упадке, выросли мощные отряды национальной интеллигенции, процветают народное образование, высшая школа, наука, литература и искусство, бережно хранится, изучается и творчески осваивается лучшее культурное наследие всех народов.

Излюбленным приемом буржуазных фальсификаторов (А. Беннигсен, Ш. Лемерсье-Келькеже и др.) является утверждение, что в республиках Советского Востока в ходе социалистического строительства нарушается традиционный жизненный уклад, связанный с исламом. Буржуазные «советологи» отождествляют местные национальные и исламские религиозные традиции. Выпячивая факты отдельных религиозных пережитков на современном этапе, они заявляют, что религия в Средней Азии и Казахстане якобы постепенно восстанавливает утраченные позиции.

Эти авторы пытаются утверждать, что на «возрождение» религиозности народов Средней Азии оказывают влияние зарубежные мусульманские народы, «забывая», однако, что в большинстве стран зарубежного Востока наблюдается процесс приобщения к современной культуре, научно-техническому прогрессу, рост влияния марксистской идеологии.

Буржуазные «среднеазиеведы» изо всех сил пытаются «обнаружить» факты национальной розни в Средней Азии. Эти домыслы наши идеологические оппоненты (Карэр д'Анкос, П. Рондо и др.) нередко «обосновывают» якобы свойственным народам Средней Азии «врожденным консерватизмом», который «восстанавливает» их против русской культуры, обычаев и т. д. Подобные утверждения явно проник-

нуты расизмом и свидетельствуют о лицемерии империалистических «друзей» среднеазиатских народов.

Среди фальсификаторских измышлений не последнее место занимают рассуждения о «противоречивости» политики Коммунистической партии, которая, если верить, например, Дж. Уилеру, «положительно» относится к национализму на Среднем Востоке и в то же время — резко отрицательно к национализму «у себя дома».

В данном случае имеет место ненаучное, совершенно неправильное отождествление национализма, под флагом которого протекает освободительное движение во многих странах зарубежного Востока, и пережитков буржуазного национализма в сознании некоторой, наиболее отсталой части советских граждан. Программа КПСС, которой руководствуется наша партия, с полной ясностью указывает, что «в национализме угнетенной нации есть **общедемократическое содержание**, направленное против угнетения, и коммунисты поддерживают его, считая исторически оправданным на определенном этапе»¹. Это общедемократическое содержание заключается в антиимпериалистической направленности, в борьбе за освобождение от колониального гнета, за национальную независимость и национальное возрождение. При этом следует иметь в виду (буржуазная пропаганда предпочитает об этом умалчивать), что сказанное вовсе не означает безоговорочной поддержки коммунистами национализма на зарубежном Востоке. Коммунисты не забывают, что, помимо общедемократического содержания, национализму присуща и «другая сторона, выражающая идеологию и интересы реакционной эксплуататорской верхушки»².

По мере укрепления национальной независимости, социально-экономического и политического развития афро-азиатских стран национализм, в свое время объединявший самые широкие слои населения, самые различные социальные группы в борьбе за освобождение от власти иностранных колонизаторов, постепенно теряет свое общедемократическое, прогрессивное содержание, обнаруживает классовую ограниченность и все более становится идейным оружием буржуазии, стремящейся к духовному порабощению народных масс. Национализм, являющийся естественным следствием долгих лет иноземного угнетения, следствием глубокого стремления народов к национальной консолидации, национальному самоопределению, в настоящее время, однако, все более сводится к проповеди расовой или национальной исключительности.

Нетрудно понять, что подобная идеология препятствует борьбе народов за подлинный прогресс, облегчает происки международного империализма и внутренней реакции, нацеленные на разрушение единства афро-азиатских стран, отрыв их от главного союзника и верного друга — мировой социалистической системы. Советская общественность учитывает это и весьма четко отделяет общедемократические тенденции, отвечающие интересам большинства народа, от реакционных, в которых выражается идеология внутренних и внешних контрреволюционных сил.

Буржуазные «советологи» всячески искажают историю становления и развития национальной государственности народов Средней Азии. В. Монтей, Р. Вайдынатх, О. Конолли, Д. Уилер и др. утверждают, якобы национально-государственное размежевание 1924 г. не ставило своей целью развитие суверенитета местных народов, а, на-

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1976, с. 47.

² Там же.

оборот, противостояло консолидации «единой тюркской нации» в Средней Азии в Казахстане.

Между тем «единая тюркская нация» — это миф, выдуманный пантюркистами и подхваченный антисоветчиками. А реальные факты заключаются в том, что национально-государственное размежевание отвечало воле народов Средней Азии, ликвидировало былую раздробленность каждого из них, обеспечило их подлинный суверенитет, сложение в высокоразвитые социалистические нации, укрепление дружбы народов этого региона и страны в целом.

Фальсифицируя историю национальных отношений в Средней Азии, «советоведы» не ограничиваются попытками сыграть на мнимых «противоречиях» между «местным» и «пришлым» европейским населением. Им хотелось бы отыскать и «противоречия» в развитии экономики между отдельными среднеазиатскими республиками. По словам индийского буржуазного историка Р. Вайдьянатха, в результате национально-государственного размежевания 1924 г. Узбекистану умышленно были предоставлены преимущества в развитии сельского хозяйства по сравнению с другими среднеазиатскими республиками.

В действительности же границы каждой республики определялись с учетом национального состава населения каждого района. Орошаемая площадь, находящаяся в компетенции УзССР, приблизительно пропорциональна численности населения республики, занятого в сельском хозяйстве. Более того, посевной площади, имевшейся в Узбекистане к моменту ее образования, было явно недостаточно для успешного развития сельскохозяйственного производства, и дехкане, сосредоточенные в нескольких сравнительно небольших оазисах (Ферганская долина, Ташкентский, Самаркандский, Хорезмский оазисы), задыхались от земельного голода. Потребовались огромные усилия узбекского народа, чтобы вырвать у пустыни многие десятки тысяч гектаров земель и превратить их в цветущие хлопковые плантации.

В нашей стране нет республик богатых и бедных, развитых и отсталых. Все братские республики Средней Азии получили в годы Советской власти широкие возможности для развития своей экономики и культуры.

Буржуазные «советоведы» стремятся обыграть демографические тенденции в СССР — более быстрый рост рождаемости в республиках Советского Востока. Это якобы приведет в ближайшие десятилетия к тому, что «мусульмане» будут численно преобладать над русскими в общесоюзном масштабе. При этом игнорируется тот факт, что в СССР сформировалась новая историческая общность — многонациональный советский народ, нерушимое братское единство которого исключает «преобладание» одних национальностей над другими.

Наши недруги предпринимают усиленные попытки исказить исторические корни дружбы узбекского народа с русским и другими народами СССР. В частности, они утверждают, якобы своим культурным прогрессом Средняя Азия и Казахстан обязаны исламу, а не «русскому влиянию». Так, Джеймс Кричлоу заявляет, будто бы среднеазиатские народы «обязаны своей культурой традиционному мусульманскому, особенно арабскому и персидскому влиянию».

При этом Д. Кричлоу, а также высказывавшиеся в том же духе Зафар Имам и Дж. Уилер игнорируют следующие обстоятельства:

а) деятельность крупнейших ученых, мыслителей, поэтов Средней Азии и Казахстана (Ибн Сины, Навои, Улугбека, Абая и др.) носила не «исламский», а скорее антиисламский характер, ибо мировоззрение

этих мыслителей отличалось свободомыслием и нередко противоречило исламским догмам;

б) ортодоксальный ислам всегда выступал в роли душителя культуры народов Средней Азии и Казахстана. Культурный спад, происшедший в Средней Азии в XVI—XIX вв., отнюдь не случайно совпал с усилением господства клерикалов;

в) нельзя сбрасывать со счетов доисламский период истории среднеазиатских народов, продолжавшийся более тысячи лет и ознаменовавшийся крупными культурными достижениями;

г) присоединение Средней Азии к России, как это убедительно доказано в советской историографии, сыграло объективно прогрессивную роль и в культурной жизни народов края;

д) после победы Великого Октября русский и другие народы СССР оказали народам Средней Азии огромную помощь во всех сферах жизни, в том числе в культурном строительстве.

Не считаясь с реальными фактами, индийский буржуазный историк Зафар Имам утверждает, что либеральные и социалистические движения народов Средней Азии развивались «независимо» от общероссийских социальных движений, а в «доказательство» он приводит имена представителей местных национальностей («мусульман»), участвовавших в работе социал-демократических организаций Туркестана. Между тем общеизвестно, что социал-демократические идеи проникли в Среднюю Азию из Центральной России, а РСДРП была общероссийской, отнюдь не узконациональной и тем более не «мусульманской» организацией.

В ложном свете изображают «советологи» и исторические этапы советской национальной политики. Так, они утверждают, что в 30-х—середине 60-х годов проводилась «русификаторская» (по словам Кричлоу, «откровенно ассимиляторская») политика. При этом игнорируются, например, политика «коренизации», массовая подготовка национальных кадров, создание крупных отрядов национальной интеллигенции, общеизвестные факты формирования и расцвета советских социалистических наций в Средней Азии и Казахстане.

Русский и другие народы СССР оказывали в эти годы народам Средней Азии и Казахстана большую, всестороннюю помощь, но это было проявлением социалистического интернационализма, а не «русификации».

Джеймс Кричлоу заявляет, что с середины 60-х годов наблюдается процесс «дерусификации». При этом приводятся, например, данные о росте изданий на местных языках. Но в этой тенденции нет ничего нового, она началась еще в первые годы Советской власти. Рост национальных кадров, развитие национальных языков также характерны для всего советского периода. Это относится и к заботе о культурном наследии народов Средней Азии. Законная гордость лучшими национальными традициями отнюдь не исключает гордости советских народов их общесоюзным культурным достоянием, существования единой многонациональной советской культуры, в развитие которой вносят вклад все народы страны.

Своими измышлениями о «стихийной дерусификации» буржуазные «советоведы» делают ставку на подрыв ленинской дружбы народов СССР, извращение национальной политики КПСС, ослабление того огромного впечатления, которое производит опыт решения национального вопроса в СССР, в том числе в Средней Азии, на народы зарубежного Востока.

Как подчеркивается в постановлении ЦК КПСС «О 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина», «притягательная сила марксистско-ленинских идей, рост авторитета и влияния реального социализма вызывают ожесточенное сопротивление классового противника. Буржуазия и ее идеологи, оппортунисты и ревизионисты всех мастей усиливают борьбу против коммунизма, пытаются фальсифицировать марксизм-ленинизм, выхолостить его революционную сущность, найти «противоречия» между теорией научного социализма и практикой ее осуществления в социалистических странах. Они стремятся принизить всемирно-историческое значение марксистско-ленинского учения, успехи социализма, дискредитировать социалистический образ жизни. На происки империализма и его пособников коммунисты отвечают интернациональным сплочением своих рядов, последовательной борьбой против буржуазной идеологии, ревизионизма, догматизма, национализма, за чистоту и творческое развитие марксизма-ленинизма»³.

³ «Правда», 1979 г., 16 декабря.